

— Виктор, живо выходи из ванной! — раздался за дверью женский голос. В его мягких нотках сквозило раздражение, а само требование прозвучало как негласный приказ, от которого зазвенело в ушах. — И не вздумай трогать моё бельё в корзине! Если я найду там хоть какую-то грязь, тебе конец!

Послышался нетерпеливый стук, женщина повысила голос и, судя по звукам, в сердцах топнула ногой. Стук продолжался добрую половину минуты. Наконец, дверь ванной с лязгом распахнулась.

Чжоу Цинфэн, лениво прислонившись к косяку, стоял в одних трусах. Взъерошенные волосы и насмешливая улыбка на лице выдавали его настрой:

— Госпожа Джулия, при всём моём уважении к вашей красоте и шикарной фигуре, я не какой-нибудь новичок, не видевший женщин. С чего вы взяли, что я полезу к вашему белью, да ещё и стану оставлять там какие-то следы? Я не настолько опустился.

Женщине было за тридцать, телосложение среднее, но формы — загляденье. Каштановые кудри небрежно рассыпались по плечам, а на ней была лишь лёгкая майка на бретельках, обрисовывавшая пышные изгибы.

— Мелкий паршивец, только попробуй дать мне повод, — фыркнула она, явно не купившись на оправдания, и, протиснувшись мимо него, вошла в ванную.

Их плечи и грудь неизбежно соприкоснулись. Чжоу Цинфэн ощутил мягкость, упругость и едва уловимый электрический разряд. Он инстинктивно отстранился, но волна тёплого, влажного аромата зрелой женщины ударила в нос, заставляя сердце биться чаще, а кровь — приливать к вискам.

Джулия наклонилась к корзине для белья. Внутри грудой лежали шёлковые трусики размером с ладонь, переплетаясь с кружевами и сеткой. Рядом виднелись бюстгалтеры больших размеров, на застёжках спереди и сзади, вперемишку с телесными колготками. От всего этого исходил тонкий, естественный запах. Для любого озабоченного извращенца корзина с бельём красивой молодой женщины — место куда более священное, чем гардероб, ведь в ней — сама жизнь, сама история.

Чжоу Цинфэн не был извращенцем, но взгляд его невольно задержался на женщине. Тонкая талия, округлые бёдра, напоминающие сочный, спелый персик — казалось, протяни руку, и коснёшься. В каждом её движении сквозила зрелая грация, естественная и лишённая малейшего притворства.

— Паршивец, ты куда смотришь? — Джулия, не обнаружив никаких улик, почувствовала, что теряет лицо, и резко обернулась, загораживая обзор.

— Я воздаю хвалу Деве Марии, — невозмутимо ответил Чжоу Цинфэн, продолжая

рассматривать женщину, словно произведение искусства.

Когда она наклонялась, ткань майки натягивалась, очерчивая идеальный изгиб, будоражащий воображение и заставляющий дорисовывать скрытые под ней прелести.

— Проваливай и оденься! — Джулию позабавил этот наглец. Она насмешливо хмыкнула и махнула рукой, прогоняя его.

Когда Чжоу Цинфэн ушёл, женщина не успокоилась и ещё раз тщательно перебрала бельё. Но как бы она ни искала, никаких следов не было. Даже её метки из волос остались на месте — всё было в точности так, как прежде.

— Восемнадцатилетний парень должен быть полон энергии, искать внимания противоположного пола, увиваться за девчонками... А Виктор? Он что, вообще ничего не сделал? — пробормотала Джулия, нахмурившись. Внутри неё боролись противоречивые чувства.

Она вспомнила его взгляд — в нём читался явный интерес, с ориентацией у парня всё было в порядке, но он проявлял поразительную сдержанность. Если бы она нашла «улики», то отчитала бы его как следует, но втайне была бы польщена — значит, она всё ещё привлекательна для молодёжи. А теперь, когда ничего не нашлось, она разозлилась ещё больше.

— Неужели я уже старею? Шарм не тот?

Она подошла к зеркалу, покрутилась, приподняла грудь, хлопнула себя по ягодице, вызвав лёгкую волну. Фигура в полном порядке, кожа упругая, изгибы чёткие. Но почему-то на душе остался неприятный осадок неудовлетворённости.

Другие парни в округе вечно лезли на рожон, пожирали глазами каждую красотку и вечно искали приключений. Чжоу Цинфэн же всегда вёл себя иначе. Это странное поведение озадачивало Джулию.

— Наверное, бедный Виктор просто слишком сдержан. Все азиатские парни такие, застенчивые, не хватает им смелости, — вздохнула она, а затем на губах её заиграла насмешливая улыбка. — Никакой безумной страсти, никакой романтики. Неудивительно, что у этого олуха до сих пор нет девушки.

— Мам, мне нужна ванная, ты чего там застряла? — раздался звонкий голос. В дверях стояла девушка, взъерошенная, явно только что с кровати, с выражением лени и нетерпения на лице. На ней была широкая футболка, доходящая до бёдер, открывавшая стройные белые ноги.

— Ничего, просто проверяла корзину с бельём, — ответила Джулия, не поднимая головы.

— Этот паршивец Виктор опять нахулиганил? — Селина нахмурилась, включая режим детектива. — Этот подлый извращенец трогал моё бельё?

Она явно слышала их перепалку, сжала кулаки, готовая в любой момент выскочить и разобраться.

— Тупой Виктор, вечно корчит из себя холодного принца, а сам небось подглядывает, но кишка тонка открыто приударить за мной!

— Нет, он не трогал. По крайней мере, я ничего не заметила.

Джулия встала и строго посмотрела на дочь:

— А вот ты, Селина, где пропадала всю ночь?

— На вечеринке у друзей. Я же говорила, — ответила девушка, уперев руки в бока.

— Вернулась в два часа ночи? — Джулия повысила голос, в её глазах читалось недовольство.

— Мам, вечеринки всегда так заканчиваются, — закатила глаза Селина. — Не могла же я уйти раньше, это выглядело бы так, будто я изгой. Ты что, хочешь, чтобы меня все игнорировали?

— Ты ещё и пила? — голос Джулии стал холоднее, в нём слышалась тревога.

— Немного, просто пиво, — Селина пожала плечами, словно это не стоило обсуждения.

— А запрещённые вещества? — Джулия впиалась взглядом в лицо дочери, пытаясь уловить хоть что-то.

— Нет. Их там предлагали, даже бесплатно, но я отказалась, — Селина с гордостью подчеркнула свою силу воли.

— Но ты не должна была возвращаться так поздно, — Джулия тяжело вздохнула. — На этих вечеринках одна шваль, я глаз не сомкнула, переживая за тебя.

— Мам, мне шестнадцать, я не безмозглая дура, — Селина небрежно махнула рукой. — Я могу отличить хороших от плохих, никто меня не обманет.

— Не будь так самоуверенна, ты ещё ребёнок, — Джулия перешла на поучительный тон.

— Мам, ты в моём возрасте уже родила меня, — парировала Селина, даже с вызовом. — Может, хватит каждый день твердить, что мне можно, а что нельзя? Я уже не маленькая!

— Да, и я жалею об этом уже шестнадцать лет, — голос Джулии стал глухим. — Я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу: стала матерью в подростковом возрасте и погубила своё будущее.

В её словах сквозило отчаяние — она пыталась достучаться до дочери, предупредить, что подростковая импульсивность может привести к непоправимым последствиям. Но Селина осталась глуха к её словам, с безразличным видом протиснулась в ванную и захлопнула дверь перед носом матери.

Чжоу Цинфэн уже вернулся в свою комнату на втором этаже и лениво натягивал штаны. Снизу, сквозь тонкие перекрытия, доносились голоса. Ссоры Джулии и Селины были ежедневным ритуалом, бесконечной перепалкой, то острой, то глухой, которая, казалось, никогда не закончится.

Комната была тесной. На стенах висели дешёвые плакаты с полуголыми девицами, вырванные из старых журналов. Повсюду валялись одежда, обувь, книги, простыни были смяты, а на них виднелись подозрительные пятна. В воздухе стоял тяжёлый запах пота и пыльных страниц, безмолвно свидетельствующий о состоянии хозяина.

Чжоу Цинфэн подошёл к окну и дёрнул занавеску. Солнечный свет пробился в комнату, но не прибавил ей уюта. Улица за окном выглядела заброшенной, словно забытый уголок города. Мусоровоз не приезжал уже дня четыре, баки переполнены, отходы вываливались наружу. Опавшие листья кружились в воздухе, подхваченные случайными машинами, и бессильно падали обратно.

Соседи напротив с самого утра начали свою ежедневную перепалку. Крики, ругань — казалось, это визжат свиньи, которых ошпарили кипятком. Чжоу Цинфэн поморщился; он давно привык к этому шуму и даже не пытался разобрать слов. Бродячие кошки и собаки шныряли от бака к баку в поисках объедков, их шерсть была свалявшейся, а взгляд — настороженным, словно они в любой момент ждали удара от этого опасного мира.

Вдалеке взывала сирена — то ли полиция, то ли скорая. Звук то приближался, то удалялся, напоминая, что этот город никогда не знал покоя. За шумом наверняка скрывалась очередная драка, грабёж или что-то похуже. Но для него всё это стало обыденностью.

На дворе 20** год, США, штат Флорида, Майами, город Белый Берег. Хотя какой это город — население едва дотягивает до пяти тысяч, а из-за обилия нелегалов из Южной Америки он напоминает воровской притон. По легенде, он здесь как студент по обмену, учится в местной старшей школе, а на деле — он переродился.

В зеркале всё тот же высокий, худощавый, ничем не примечательный парень. Но внутри — человек с памятью из будущего, на десять с лишним лет вперёд. Его отправили сюда из-за

плохих оценок, чтобы хоть как-то пристроить в зарубежный вуз. Другие едут в Нью-Йорк или Сан-Франциско, а он застрял в этой дыре.

В Америке богатые и бедные кварталы разделены одной улицей, как ад и рай. Белый Берег, очевидно, оказался по сторону ада. Безопасность здесь ни к чёрту. Тот год прошёл впустую: юношеская дурь, глупость, куча ошибок и недопониманий. Семья, у которой он жил, была замечательной, Джулия и Селина — добрые, отзывчивые люди. Но из-за разницы культур и его собственной уязвлённой гордости они расстались врагами. Долгое время он хотел извиниться.

Но есть кое-что важнее. Здесь, в Майами, в этом самом Белом Береге, расположена биофармацевтическая компания «Апокалипсис». Эта публичная компания с капитализацией в десятки миллиардов долларов использует искусственный интеллект для поиска лекарств, и в результате они создадут вирус «Х», который через год ввергнет человечество в пучину конца света.

От одной мысли о том, через что ему предстоит пройти в ближайшие десять лет, Чжоу Цинфэна бросало в дрожь. В последнее время его мучили кошмары.

Обрывки образов, словно рваная киноплёнка: руины, остовы зданий, торчащая арматура, горы бетона. Брошенные машины на улицах, разбитые стёкла, пустые шины — кладбище цивилизации. Воздух пропитан гнилью, запахом ржавого металла и гари. Вдалеке слышны стоны и плач, доносящиеся из самого ада.

Каждый раз он просыпался в холодном поту. Но эти фрагменты памяти не бесполезны. В один из таких моментов он вспомнил одну деталь.

Лотерея!

Чжоу Цинфэн помнил, что как раз когда он только приехал, один из учителей школы с дурной репутацией выиграл джекпот в Пауэрбол. Он не помнил ни тиража, ни выигрышных номеров, но само событие врезалось в память.

Сидя на кровати, он достал телефон и проверил текущие данные лотереи Пауэрбол. Из-за того, что джекпот никто не выигрывал тридцать тиражей подряд, сумма превысила два миллиарда долларов.

Больше двух миллиардов... долларов?!

Да, точно. Если забрать выигрыш сразу, даже с учётом всех налогов, на руки можно получить около миллиарда. А имея такие деньги, можно решить любую проблему.

— Это крупнейший джекпот в мире. Один билет — и ты в высшей лиге богачей, — сердце Чжоу Цинфэна заколотилось. — Если я достану этот билет, если выиграю этот миллиард, смогу ли я

выжить в грядущем апокалипсисе? А может... даже предотвратить его?

— Виктор, завтрак готов! — раздался снизу звонкий голос госпожи Джулии.

За столом уже сидело три человека: госпожа Джулия, её дочь Селина и глава семьи — господин Конгерс. Он был старшим офицером полиции Белого Берега, высокий, мощный, словно гора, от него веяло пугающей силой. Жители городка одновременно боялись его и зависели от него.

Этот сорокалетний шериф любил носить форму с коротким рукавом, будто намеренно демонстрируя свои бицепсы размером с голову. На поясе — наручники, пистолет, дубинка, запасные магазины. Он всегда был готов к бою. Его машина — электрический «Мустанг» с полицейской эмблемой — внушала трепет. Он никогда не выходил из дома без бронежилета, а рация работала круглосуточно.

Возможно, из-за обстановки в городе Конгерс всегда был напряжён, и в его присутствии воздух в доме становился тяжёлым. Селина могла спорить с матерью, но перед отцом не смела даже пикнуть. Сейчас она послушно жевала яичницу с тостами, стараясь не чавкать.

— Доброе утро, господин Конгерс, — Чжоу Цинфэн, робея перед этим почти двухметровым гигантом, первым поздоровался, прежде чем сесть.

— Угу, — буркнул шериф, даже не взглянув на него.

Он вернулся с ночного патрулирования, усталый, но с острым, цепким взглядом. Поев на скорую руку, он собрался уходить. Чжоу Цинфэн, занятый мыслями о лотерее, чувствовал себя не в своей тарелке.

И вдруг, когда он уже доедал завтрак, он почувствовал, как под столом чья-то маленькая ножка коснулась его ноги. Тонкие пальчики, нежная кожа — нога медленно, дразня, поползла вверх по его икре.

Столовая, квадратный стол, четыре человека. Кто это меня трогает? Раньше у меня таких привилегий не было!

<http://bllate.org/book/18457/1769769>